

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.

И. Т. ЦОРИЕВА

В отечественной историографии национально-культурного строительства на Северном Кавказе выделяются два периода: советский и постсоветский. Водоразделом между ними стали масштабные общественно-политические процессы на рубеже 1980-1990-х гг., коренным образом изменившие жизнь страны. Обозначенные историографические периоды различаются теоретическими и методологическими подходами к исследованию культурно-исторического процесса. Свои особенности имеют характер и глубина осмысления конкретно-исторического материала, репрезентативность источниковой базы. Их отличают также разный объем имеющейся научной литературы и степень разработанности отдельных аспектов изучаемой темы.

Историографический анализ советской многонациональной культуры в первый период проводился в рамках марксистско-ленинской методологии, что естественно определяло предметное поле, уровень и подходы к осмыслению темы. Отличительной чертой истории изучения культуры первых послевоенных лет являлся крайне низкий уровень публикационной активности. Количество научных изданий по анализируемой теме без учета газетных публикаций, носивших в основном просветительский, пропагандистский характер, весьма незначительно. Подобная ситуация была характерна как для общесоюзной, так и регионально-национальной историографии. Невысокая исследовательская активность при разработке культурно-исторической проблематики в регионе обуславливалась в значительной мере слабостью материально-технической базы научной сферы, неразвитостью методической и ис-

точниковой базы, острой нехваткой научных кадров. После окончания войны эти обстоятельства усугубились практикой жесткой идеологической регламентации духовной жизни общества. Тем не менее, исследовательская традиция, сложившаяся в предшествующий период, сохранялась.

Изучение вопросов национально-культурного строительства начиналось с небольших статей в юбилейных сборниках или публикаций в периодических изданиях, приуроченных к различным знаменательным датам, связанным с историей революционного движения и гражданской войны на Северном Кавказе, этапами социально-экономического и национально-государственного строительства в советский период. При этом следует подчеркнуть характерную особенность юбилейных научных сборников. Среди задач, которые они были призваны решать, на первый план выходили вопросы агитационно-пропагандистского характера. Это определяло компоновку структуры текста, подбор и информативную насыщенность документальных и статистических источников, влияло на стиль изложения и интерпретацию иллюстративного материала. Научные сборники различались как по полноте представления историко-культурной проблематики, так и содержательно. В одних изданиях наряду с рассмотрением вопросов социально-экономического и политического развития национальных автономий Северного Кавказа содержался довольно основательный анализ разных аспектов культурной жизни (формирование системы народного образования, создание национальной школы, организация ликбезов, культурно-просветительная

деятельность) [1; 2; 3]. Другие работы в большей мере носили популяризаторский, просветительский характер, отличались пропагандистской направленностью и под этим углом зрения лишь отчасти затрагивали проблемы культурного развития, как правило, ограничиваясь описанием успехов в школьном строительстве [4].

Значительное влияние на формирование тематики исследований по истории национально-культурного строительства оказала интерпретация в научной литературе 1930-1940-х гг. культурной революции в духе «Краткого курса истории ВКП (б)». Как известно, в «Кратком курсе...» упоминалось о введении всеобщего обязательного обучения и о школьном строительстве в СССР, после чего следовал вывод: «Это была культурная революция». По сути, такой подход к пониманию проблемы сводил содержание культурной революции к преобразованиям преимущественно в сфере народного просвещения и подготовки кадров специалистов [5, 14].

Упрощенная трактовка сущности культурной революции ограничивала круг культуроведческих проблем вопросами всеобщего ликбеза, ликвидации неграмотности и малограмотности, создания «трудовой» школы, деятельности ликбезов и культурно-просветительных учреждений. Исследовательский интерес вызывала еще одна тема – формирование и развитие высшей школы, подготовка кадров специалистов. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. этот вопрос в региональном кавказоведении получает освещение в связи с празднованием юбилейных дат в истории развития системы высшего образования в республиках Северного Кавказа. В статьях северокавказских исследователей прослеживались этапы становления высших учебных заведений, показывался процесс формирования кадров специалистов, в том числе из представителей коренных национальностей [6; 7].

Начало 1950-х гг. отмечено серьезным шагом в изучении культур народов Северного Кавказа. Вопросы советской культурной модернизации становятся предметом

специальных диссертационных исследований, позднее опубликованных в виде монографий [8; 9; 10]. В 1952 г. увидели свет «Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР» Б.А. Цуциева. В работе наряду с оценкой социально-экономических и политических изменений, произошедших в Северной Осетии за годы советской власти, давалась характеристика достижений в сфере народного образования, художественного творчества. В 1967 г. книга была переиздана в дополненном и доработанном виде [11].

Новый этап в изучении истории советской многонациональной культуры начинается со второй половины 1950-х гг. Либерализация духовной жизни и некоторое смягчение идейно-политического климата на фоне «оттепели» в совокупности дали новый импульс разработке истории советской культуры. Заметным шагом в развитии ее теоретических основ явились труды М.П. Кима [12].

В историографии советской культуры с момента возникновения существовали два плана: общий и специальный (отраслевой). В первом советская культура рассматривалась как социальная система в целом, в единстве всех ее составных частей; во втором – выделялись отдельные ее компоненты, частные отрасли культуры. Причем, если специальная, отраслевая историография, по признанию специалистов по истории советской культуры, имела достаточно четко определенную предметную область и круг задач, то общая историография культуры страдала существенными недостатками. Эти недостатки связывались с несовершенной схемой исследования. Труды по истории советской культуры, отмечал академик М.П. Ким, пишутся, как правило, по одной общей схеме, представляя собой своды мало связанных друг с другом очерков, посвященных творческим и иным достижениям в отдельных областях культуры [13].

В отмеченный период «отраслевой» подход возобладал в общих работах по истории культуры, в сводных трудах по истории СССР, отдельных республик, кра-

ев и областей, в вузовских учебниках и учебных пособиях по истории советского общества при освещении истории советской культуры. Изложение истории культурного строительства часто сводилось к сумме очерков об отдельных отраслях культуры (культпросветработа, народное образование, высшая школа, наука, литература и искусство и т.д.), лишенных, как замечал В. Т. Ермаков, внутреннего единства [14].

Региональная историография советской культуры народов Северного Кавказа развивалась по тем же канонам, что и общесоюзная, поэтому она содержала все плюсы и минусы установившейся традиции. Иллюстрацией сказанного служили первые монографии, очерки и статьи, посвященные истории культурного развития национальных автономий Северного Кавказа в период их социалистической трансформации. Отмеченным исследованиям северокавказских ученых структурно и содержательно был присущ очерковый характер изложения конкретно-исторического материала. Труды А. А. Абилова, А. В. Бурнышева, С. Дедегкаева, Х. С. Черджијева и др. включали традиционный набор отраслевых исследовательских тем. В них рассматривались вопросы становления советской системы образования и национальной школы, осуществления программы политехнического обучения в школе, создания кадров национальной интеллигенции, развития литературы и искусства, изменения культурного и образовательного уровня народных масс, формирования и внедрения новых форм культуры [9; 10; 15; 16].

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в историографии советской культуры наиболее разрабатываемой темой оставалась история фундаментального образования [17; 18; 19]. В местной, равно как и в общесоюзной историографии, развитие системы образования оценивалось с точки зрения решения социально значимых задач: образования и просвещения народных масс, воспитания нового, «советского» человека, активного участника переустройства общества на принципах социализма.

Исходя из этого, ставились актуальные вопросы введения всеобщего обязательного среднего политехнического образования, создания школ-интернатов как эффективных средств обучения и воспитания подрастающего поколения, повышения роли русского языка в национальных школах, ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В отмеченные годы предметом специального исследования в кавказоведении впервые становится проблема женского образования. В работе С. М. Омарова эта тема раскрывалась на примере Дагестанской АССР на большом временном отрезке начиная с установления советской власти в республике и до конца 1950-х гг. [20]

Важным направлением историографии советской культуры национальных регионов являлось осмысление вопросов становления и развития профессиональных форм художественной культуры народов Северного Кавказа. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. эти вопросы освещаются в работах общеисторического плана. Но в наибольшей степени они остаются в исследовательском поле литературоведения и искусствознания. В отмеченные годы публикуются первые специальные исследования по истории становления и развития осетинской литературы, музыкального, изобразительного и театрального искусства [21; 22; 23]. Упор в этих работах делался, прежде всего, на просветительском, воспитательном характере преобразований в культурной сфере. Отличительной особенностью всех исследований этого времени было преувеличение успехов и достижений в области национально-культурного строительства, игнорирование сложных и противоречивых явлений социальной и культурной жизни.

Сложившаяся в рассматриваемые годы историография по проблеме, безусловно, имеет тематическую ограниченность, описательность и доминирование позитивных оценочных суждений о культурных преобразованиях в национальных автономиях (без сомнения, имевших место). Однако вряд ли являются правомерными попытки

преуменьшить вклад советских обществоведов в разработку проблем культурного развития региона. На наш взгляд, привлекаемый ими для анализа и обобщения фактический материал прежде всего служил иллюстрацией социально-культурных преобразований. Вместе с тем, он позволял проследить динамику культурного процесса за годы советской власти и выявить как общие закономерности, так и специфические особенности осуществления культурной революции в национальном регионе. Вполне обоснованным в этом плане представляется мнение о том, что на определенном этапе описательный отраслевой подход был неизбежен как отражение соответствующей степени освоения проблемы, известной ограниченности имевшегося в научном обороте фактического материала [14, 20].

Однако уже со второй половины 1960-х гг. «недостатки иллюстративно-схематического метода изучения советской культуры» все чаще подвергаются критике, и обсуждается «необходимость создания глубоко научных обобщающих трудов» [24]. В ходе дискуссий о культуре как предмете исторического исследования шел поиск новых подходов к изучению общей истории советской культуры, позволявших представить историю культуры единой, внутренне цельной сферой общественной жизни. В начале 1970-х гг. решение этой задачи связывается с проблемным подходом, который мог, по мнению его сторонников, «облегчить разработку ее периодизации, создание подлинно синтезирующих проблему трудов» [14, 33].

В 1970-х-1980-х гг. важный вклад в развитие методологии проблемы вносят новосибирские ученые. Предложенный ими системный подход в культуроведческих исследованиях расширял возможности для изучения истории советской культуры как целостной системы [25]. Оставался актуальным и отраслевой подход. Хотя его исследовательский ресурс был исчерпан в общих работах, но за их пределами, по мнению историков, при изучении различных сфер культуры (истории школы, науки, ли-

тературы, искусства, культпросветработы и т.д.) он полностью сохранял свое научное значение.

В значительной мере активизации исследовательской деятельности в 1960-1970-х гг. способствовало проведение ряда научно-организационных мероприятий, в результате которых были созданы научные центры по изучению истории советской культуры в центральных и республиканских академических институтах. При Министерстве культуры РСФСР был организован Научно-исследовательский институт культуры, занимавшийся социологическими исследованиями современного этапа развития культуры. Тогда же был создан проблемный совет «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, а также научный совет по национальным проблемам при секции общественных наук Президиума АН СССР. Усилия этих научных координационных центров, направленные на разработку теоретических и методологических проблем культуры, оказали благотворное влияние на научно-теоретический уровень культуроведческих работ, выявление наиболее значимых, актуальных исследовательских направлений [26, 106].

Формирование методологических и институциональных основ научной деятельности в национальных регионах происходило по тем же направлениям, что и на общесоюзном уровне. Важным фактором, способствовавшим интенсивной исследовательской деятельности в области национально-культурного строительства, являлось заметное пополнение в послевоенный период научно-кадрового потенциала в республиках и областях Северного Кавказа, количественный и качественный рост гуманитариев и обществоведов среди научной интеллигенции. Активизации научной деятельности в значительной мере содействовало и расширение на фоне «оттепельных» процессов второй половины 1950-х – 1960-х гг. источниковой базы исследований как за счет появления новых

документальных свидетельств, так и благодаря открытию некоторых недоступных прежде архивных фондов. Все эти моменты служили серьезным побудительным стимулом для дальнейшей разработки вопросов культурного строительства в национальных регионах в советский период.

Середина 1960-х – 1980-е гг. отмечены широким размахом исследовательской деятельности обществоведов в области разработки вопросов советской культуры. Были написаны сотни книг, брошюр и статей по различным аспектам культурного развития. Труды историков, философов, социологов позволили накопить значительный объем конкретно-исторического материала по вопросам истории развития социалистической культуры. Это потребовало историографического осмысления полученных результатов. В 1970-1980-х гг. в работах Л. М. Зак, М. П. Кима, В. М. Ермакова и др. была систематизирована и проанализирована обширная и разнообразная литература по истории советской культуры. Учеными были рассмотрены теоретические и методологические аспекты проблемы формирования и развития многонациональной советской культуры, подведены итоги исследовательской деятельности, прослежены основные тенденции и определены перспективные исследовательские направления [13; 27; 28].

Применительно к северокавказскому региону советская историография национально-культурного строительства была исследована Э. А. Шеуджен. Основательный историографический анализ накопленной по теме научной литературы позволил сделать вывод о том, что во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. история советской многонациональной культуры сложилась в самостоятельное направление историографии, ее разработка стала специальной задачей историков культуры [26, 7].

Значительным достижением в развитии региональной историографии 1960-1980-х гг. явилось издание обобщающих трудов по истории республик и областей Северного Кавказа [29; 30; 31; 32; 33]. В отмеченных работах получили заметное освещение во-

просы развития национальных культур в процессе общественной трансформации послереволюционного периода. Проблема советского национально-культурного строительства рассматривалась в общеисторических хронологических рамках, во взаимосвязи с экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в советском обществе. Значение этих работ состояло в том, что они давали представление о динамике культурного процесса в национальных автономиях Северного Кавказа, о содержании и характере культурных преобразований, об их месте в общеисторическом процессе. Вместе с тем, анализ имевшегося в этих работах материала позволял судить о степени разработанности отдельных аспектов проблемы и определить вектор дальнейших конкретно-исторических исследований.

В 1960-1970-е гг. в научном регионоведении интенсивность публикационной активности по вопросам культурного строительства в национальных республиках и областях Северного Кавказа растет устойчивыми темпами. Заметным вкладом в разработку общих проблем культурного развития региона являлись монографии М. Х. Герандокова, А. К. Хачирова, Х. И. Хутуева и др. [34; 35; 36] Во многих работах сохранялись традиционные исследовательские схемы в изучении советской культуры. Вместе с тем, по мере накопления фактического материала углублялось представление о содержании культурных преобразований в национальных регионах. Расширялись хронологические и тематические рамки исследований по истории культуры. Рос интерес к культуре послевоенного периода. В монографии Г. Ш. Каймаразова «Очерки истории культуры народов Дагестана» анализировались вопросы школьного строительства в республике на протяжении всего советского периода [37]. Автор исследовал деятельность партийно-государственных органов по переводу школы к всеобщему восьмилетнему и среднему образованию, анализировал своеобразие реализации этого процесса в Дагестане.

Особое внимание привлекала история национально-культурного строительства в реконструктивный период. Эта тема представляла большой интерес в связи с развернувшейся в 1960-1980-х гг. дискуссией о сущности и периодизации культурной революции. К середине 1980-х гг. в отечественной историографии сложились два взгляда на эту проблему [5, 18; 14, 32]. Часть исследователей, в большинстве историков, руководствовалась ленинской интерпретацией культурной революции, подразумевавшей революционное преобразование духовной жизни общества, создание новой социалистической культуры, максимальное приобщение к культуре и знаниям широких народных масс. Исходя из такого представления о сущности культурной революции, определялись ее хронологические рамки. Они совпадали с периодом построения социализма в СССР. Наиболее полно эта концепция была изложена в коллективной монографии «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917-1927 гг.» [38].

Другие исследователи (этот взгляд на проблему наиболее последовательно разрабатывается в философской литературе) считали, что сущность культурной революции заключается в формировании всесторонне развитой личности как нового субъекта исторической деятельности. В таком случае ее задачи могли быть реализованы лишь в процессе всего социалистического строительства, и ее завершающий этап совпадал с построением коммунизма в стране. Данную точку зрения представляли авторы работы «Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа» [39].

В северокавказской историографии советского периода трактовка сущности и содержания культурной революции в национальных республиках и областях не выходила за рамки сложившихся в научной литературе концептуальных построений. В конкретно-исторических исследованиях преобладала точка зрения о культурной революции как революционном демократическом переустройстве духовной жизни

общества, в результате которого утверждался новый тип культуры – социалистический по содержанию и национальный по форме.

Достигнутый уровень освоения общих проблем способствовал расширению и углублению разработки отраслевых вопросов культурного строительства. Публиковались монографии и статьи по конкретным проблемам культурного развития: по истории образования, формирования кадров национальной интеллигенции, по вопросам языковой реформы, культурно-просветительной работы и т.д. Отраслевой подход обеспечивал условия для освоения конкретно-исторического материала, относящегося к различным сферам культуры, накопления определенного, четко ограниченного объема знаний, позволявшего выявить наиболее существенные черты в культурном развитии на разных исторических отрезках времени. Неизменно в фокусе исследовательских интересов находились вопросы фундаментального образования. Здесь успешно реализовывался проблемный подход. Ликвидация неграмотности и малограмотности, роль школ-интернатов в осуществлении всеобщего обязательного образования, совершенствование материально-технической базы системы образования, повышение качества обучения в общеобразовательной школе и ее роль в воспитании подрастающих поколений, преодоление второгодничества, осуществление политехнической реформы – эти и другие аспекты проблемы находят отражение в региональной историографии [40; 41; 42].

Устойчивый интерес к школьной проблематике подкреплялся не только ее научно-теоретической значимостью, но и ролью школы как образовательного института, обеспечивавшего помимо решения практических задач обучения осуществление воспитательной функции в обществе, формирование социалистического мировоззрения у подрастающих поколений. Последнее обстоятельство объясняет особый интерес в региональной историографии 1960-1980-х гг. к проблеме реформирова-

ния национальной школы. В работах северокавказских ученых решалась задача обоснования необходимости языковой реформы, перевода национальной школы на русский язык обучения [43].

Одним из исследовательских направлений являлась история художественной культуры. В осетиноведении эта тема изучалась в монографиях и статьях А. С. Бациева, А. А. Дзантиева, А. А. Хадарцевой и др. Объектом анализа выступали различные аспекты истории развития литературы, изобразительного искусства, музыки, театра в Северной Осетии [44; 45; 46]. Отмеченные работы представляли научный интерес прежде всего в качестве литературоведческого и искусствоведческого источника. Наряду с тем, они затрагивали исторические аспекты обсуждаемых проблем.

К середине 1980-х годов степень работанности отдельных вопросов культурного развития Северной Осетии в послевоенные десятилетия достигла уровня, создававшего условия для комплексного исследования проблемы в целом. Заметным шагом в данном направлении явилась монография В. Д. Текиева «К сияющим вершинам» [47]. В ней вопросы культурного строительства в республике прослеживались на протяжении четырех послевоенных десятилетий. Опираясь на большой фактический материал, автор проанализировал основные тенденции в развитии высшей и средней школы, науки, показал достижения художественной культуры республики. Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на несомненный вклад в историографию культуры Северной Осетии, эта работа несла на себе печать времени, отражала имевшийся теоретический уровень историографического осмысления проблемы. Послевоенное культурное развитие республики, рассматриваемое в свете партийных решений, представлялось лишь как поступательное движение по восходящей линии.

Конструктивно-позитивный подход к оценке культурных преобразований в национальных регионах за годы советской власти был свойствен всем исследовани-

ям первого периода отечественной историографии многонациональной советской культуры. Иллюстративно-статистический материал, использовавшийся в монографиях, очерках, статьях и других публикациях, представлял положительную динамику в развитии системы образования, демонстрировал достижения в строительстве национальной школы, в ликвидации неграмотности и малограмотности, в повышении культурного уровня населения, в формировании научных, педагогических, технических кадров специалистов для отраслей народного хозяйства, в развитии литературы и искусства.

Господство марксистско-ленинской методологии в обществоведении обуславливало ограниченность исследовательских подходов при изучении истории советской многонациональной культуры. Оно не позволяло показать процесс социально-культурного переустройства национальных регионов в ходе советской модернизации во всей его сложности и противоречивости. Некоторые вопросы не ставились вообще или представлялись односторонне. Несмотря на большой объем научной литературы по истории национально-культурного строительства в 1920-1930-х гг., в ней практически не поднималась тема политических репрессий, тем более не обсуждался вопрос об их трагическом влиянии на духовное состояние общества и на судьбы национальной культуры и национальной интеллигенции.

Начало новому периоду в истории изучения советской многонациональной культуры было положено перестройкой. На фоне перестроечных процессов второй половины 1980-х гг., захвативших все сферы общественной жизни страны, происходит переосмысление старых теоретических построений, ведется поиск новых подходов в изучении истории культуры. Одним из примеров такого поиска явилась коллективная монография «Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941», вышедшая под редакцией академика М. П. Кима. Реализация комплексного подхода к изучению культуры была представ-

лена авторским коллективом в качестве «генеральной идеи». При этом культура понималась не только как одна из четко ограниченных сфер общественной жизни (как совокупность «отраслей культурного строительства», создающих «фонд культурных ценностей»), но и как выражение духовной сущности человека, проявляющейся во всех сферах его жизнедеятельности. Такое понимание культуры способствовало расширению диапазона традиционных исследовательских тем и обеспечивало формирование новых направлений анализа: культура труда, культура быта, культура управления, политическая культура и др. [48, 3]

В 1990-е – начале 2000-х гг. на первый план вышли проблемы взаимоотношений власти и общества, власти и культуры. В работах А. Д. Бородай, М. Р. Зезиной, Е. Ю. Зубковой на основе новых методологических подходов происходило переосмысление опыта общественно-политического и социального развития послевоенных десятилетий. Большой исследовательский интерес вызывала история советской интеллигенции [49; 50; 51].

В северокавказской историографии в 1950-1980-е гг. история советской интеллигенции занимала немаловажное место. В работах обществоведов отмечались особенности становления и развития социалистической интеллигенции в национальных республиках и областях Северного Кавказа, анализировались социальные источники, прослеживались пути и способы формирования национальных кадров интеллигенции [52; 53; 54]. Но в целом исследовательское поле проблемы было ограничено рамками традиционного для советской историографии подхода к определению интеллигенции как социальной прослойки, состоящей из лиц, профессионально занятых умственным трудом, не имеющих собственного мировоззрения и выражающих интересы тех или иных классов. Обычно исследование проблемы сужалось до рассмотрения вопросов подготовки профессиональных кадров специалистов, выяснения и оценки количественных и структурных изменений в составе национальной

интеллигенции. Проблемы преемственности, вовлечения представителей старой интеллигенции в процесс социалистического переустройства общества анализировались тенденциозно, с классовых позиций. Не рассматривались вопросы взаимоотношений советской власти и интеллигенции, влияния идейно-политических факторов на реализацию творческого потенциала интеллигентов, замалчивалась история инакомыслящей части интеллигенции, а также тех, кто оказался в эмиграции.

Между тем, с началом перестройки проблема интеллигенции, ее самоидентификации, история взаимоотношений с властью превращаются в одну из центральных тем отечественного обществоведения. Научные центры и школы отечественных исследователей истории интеллигенции в Свердловске, Новосибирске, Ленинграде, Иваново, сформировавшиеся в 1980-е – начале 1990-х гг., стали базой для развертывания широкого фронта исследований по истории культуры и интеллигенции. В рамках нового научного направления – интеллигентоведения – активно обсуждались вопросы о том, что означает понятие «интеллигенция», каковы сущностные характеристики и отличительные черты этой социальной категории, какую роль она играет в духовном развитии общества. В этот период на новый уровень научного осмысления выходит история региональных и профессиональных категорий советской интеллигенции.

После некоторого спада исследовательской активности, наблюдавшегося на фоне кризисных явлений в обществе на рубеже 1980-1990-х гг., в кавказоведении также растет интерес к проблеме досоветской и советской интеллигенции. Эта тема находит отражение в общих работах по истории формирования и развития науки и высшей школы в северокавказском регионе, в материалах научных конференций, в юбилейных очерках, монографических и диссертационных исследованиях по истории общественно-политической мысли народов Северного Кавказа и др. [55; 56; 57]

Серьезным шагом в осмыслении исто-

рии национальной интеллигенции и общественно-политической мысли на Северном Кавказе, рассматриваемой в контексте модернизирующих реформ второй половины XIX в., явились исследования С. А. Айларовой. Для автора крайне важна характеристика не только интеллектуальной, но и нравственной, гражданской позиции северокавказской интеллигенции. По ее мнению, не только европейская образованность, но прежде всего активно отвоевываемая причастность к решению социально-культурных задач и проблем общественного масштаба, обусловленная не «положением» и местом в иерархии правящей власти, «а свободным размышлением и искренней озабоченностью судьбами края, оказавшегося на трудном историческом перекрестке», и фиксировала собственно принадлежность к северокавказской интеллигенции [58, 8-9].

С. А. Айларова выделяет в северокавказской интеллигенции второй половины XIX в. два крупных социально-исторических типа: просветительски-реформаторский и народнический, различаемые по генерационной принадлежности, по характеру идейных влияний и по своим социальным характеристикам. Формирование культурного облика первого (просветительского) относится еще к первой половине XIX в., а логика развития второго (народнического) выходит за рамки периода и продолжается в первые десятилетия XX в.

Осмысление нравственно-этических аспектов проблемы, вопросов преемственности является предметом интереса И. С. Бичиевой. По ее мнению, интеллигенция – не только интеллектуально развитая часть общества, имеющая определенные культурные и этико-нравственные характеристики, но и общественная группа, характеризующаяся устойчивой преемственностью. В русле этого рассуждения кабардинские просветители рассматриваются автором как первооснова, на базе которой в советский период формировалась национальная интеллигенция как качественно новое социокультурное явление в жизни кабардинского народа [59].

Совершенно иначе трактуется проблема создания кадров интеллигенции в Кабардино-Балкарии в коллективной монографии «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы». В ней утверждается мысль о том, что уничтожение старой интеллигенции в ходе политических репрессий вовсе не сопровождалось созданием новой, «если не считать таковой полуобразованную прослойку «пламенных агитаторов и пропагандистов». По их мнению, тоталитарная система в принципе не формирует подлинную интеллигенцию, «готовят лишь специалистов узкого профиля в строгом соответствии с утилитарными потребностями бюрократического аппарата, определенных отраслей хозяйства, армии и т.д.» [60, 57].

Разграничение понятий «специалист» и «интеллигент», на наш взгляд, вполне закономерно при определении сущностных характеристик, в частности, интеллигенции. Однако категоричность позиции авторов, отрицающих существование подлинной интеллигенции (в противовес «гнилой» интеллигенции), представляется совершенно неприемлемой.

На наш взгляд, такая позиция авторов ни в коей мере не объясняет повышенного внимания к одной из наиболее болезненных тем советской эпохи – истории политических репрессий. Сегодня в работах общего и специального характера, посвященных вопросам национально-культурного строительства в республиках и областях Северного Кавказа в 1920-1950-х гг., активно разрабатывается история функционирования «репрессивной машины», уничтожившей значительную часть не только дореволюционной интеллигенции, но и ее национальных кадров, сложившихся в советский период. Национальной интеллигенции Северного Кавказа был нанесен огромный невосполнимый урон, который еще более усугубился войной [61; 62].

Сегодня проблема формирования и развития интеллигенции Северного Кавказа по-прежнему актуальна. Она тесно переплетается с историей советской куль-

турной модернизации в национальных республиках и областях. В региональной историографии отчетливо прослеживается тенденция переосмысления содержания культурных преобразований в национальных республиках и областях Северного Кавказа, вновь актуализируется проблема культурной революции, ставится вопрос о ее сущности и последствиях для национально-этнических культур [63; 64; 65].

В литературе все явственней озвучивается мысль о том, что модернизация породила конфликт двух культурных систем: традиционной национальной и новой советской. Ряд исследователей, среди которых М. Х. Герандоков, Х. Б. Мамсилов, весьма скептически оценивает результаты культурной революции в национальных регионах [66; 67]. М. Х. Герандоков считает, что не была достигнута и основная цель культурной революции, которую он определяет как формирование гармоничной личности. Успехи культурной революции в национальных регионах, по его мнению, во многом мифические и существуют, скорее, в теоретических работах, нежели в реальной действительности. Подлинная же культурная революция, либо качественно новый виток эволюционного развития культуры национальным регионам еще только предстоит [66, 185-187].

В целом, обзор научной литературы 1940-х – начала 2000-х гг. подводит к заключению о разнообразии тематики и хронологии конкретно-исторических исследований по истории советской культуры народов Северного Кавказа. На современном этапе

региональной историографии центральными темами остаются вопросы развития образования, науки, художественного творчества, формирования национальной интеллигенции, причем если эти вопросы довольно последовательно разрабатываются в 1920-1930-х гг. в контексте советской культурной модернизации, то применительно к 1940-1980-м гг. исследовательская традиция начинает только оформляться [68; 69; 70].

Мало изученными остаются социокультурные и историко-политические аспекты культурного развития национальных автономий в 1920-1980-е гг., делаются лишь первые попытки к освещению истории взаимоотношений советской власти и интеллигенции, власти и культуры, культуры и общества. Практически не разрабатывается история художественной самодеятельности как совершенно самостоятельной формы социальной организации людей, посредством которой происходило приобщение к социалистической культуре. Не менее важна в качестве научной темы история советской повседневности, в рамках которой исследуется культура труда и быта, культура досуга – все то, что характеризует духовно-нравственную цельность и устойчивость общества. В настоящее время необходимость разработки отмеченных вопросов все более актуализируется в связи с назревшей задачей создания комплексных исследований по истории и культуре народов Северного Кавказа XX в.

1. 20 лет Советской власти в Северной Осетии: Сб. статей. Орджоникидзе, 1940.
2. 20 лет автономии Северной Осетии. Дзауджикау, 1944.
3. Кабардинская АССР. Посвящается 25-летию автономии Кабарды. Нальчик, 1946.
4. 20 лет Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1939.
5. Зезина М. Р. История культуры народов СССР. М, 1988.
6. Кулов С. Д. 25 лет Северо-Осетинского госпединститута (1920-1945 гг.) // Уч. записки Сев.-Осет. гос. пед. инст-та. 1948. Т. 17. Вып. 1. С. 3-11.
7. Сабанчиев Х. Создание советской интеллигенции в Кабарде. Нальчик, 1951.
8. Сабанчиев Х. М. Деятельность Кабардино-Балкарской парторганизации по осуществлению культурной революции. Нальчик, 1973.
9. Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.

10. *Бурнышев А. В.* Культура, рожденная Октябрем. Майкоп, 1958.
11. *Цуциев Б. А.* Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967.
12. *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М., 1957.
13. *Ким М. П.* О культуре как предмете исторического изучения // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 32-38.
14. *Ермаков В. Т.* Советская культура как предмет исторического исследования // Вопросы истории. М., 1973. № 11. С. 20-33.
15. *Дедегкаев С. Т.* Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии // Изв. Сев.-Осет. НИИ Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 75-100.
16. *Черджиев Х. С.* Очерки по истории народного образования в Северной Осетии в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958.
17. *Абилов А. А.* Развитие среднего специального и высшего образования и научных учреждений в Дагестане в послевоенные годы // Уч. записки Дагест. ун-та. Махачкала, 1960. Т. 6. С. 6-21.
18. *Прохуренко Л. И.* Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период // Отдельный оттиск из 20 тома «Известий СОНИИ». Орджоникидзе, 1957.
19. *Хасбулатов Ш. Д.* Народное образование в Дагестане. М., 1958.
20. *Омаров С. М.* Женское образование в Дагестане. Махачкала, 1960.
21. *Езерская Н. А.* Художники Северной Осетии. М., 1959.
22. Очерк истории осетинской советской литературы/Под ред. Х. Ардасенова. Орджоникидзе, 1967.
23. *Кариаева Т., Литвиненко М.* Северо-Осетинский драматический театр. Орджоникидзе, 1960.
24. *Зак Л. М.* Вопросы культурного строительства в советской исторической литературе // Культурная революция в СССР. 1917-1965. М., 1967. С. 419-423.
25. Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири/Отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1978.
26. *Шеуджен Э. А.* Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-н/Д, 1983.
27. *Зак Л. М.* История изучения советской культуры. М., 1981.
28. *Ермаков В. Т., Иванова Л. В., Козлов В. А. и др.* Изучение истории советской культуры // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 234-271.
29. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1966. Т. 2.
30. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2.
31. История Дагестана. М., 1968-69. Т. 3-4.
32. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2.
33. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2.
34. *Герандоков М. Х.* Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917-1940). Нальчик, 1975.
35. *Хачиров А. К.* Социалистическая культура и наследие. Орджоникидзе, 1976.
36. *Хутуев Х. И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.
37. *Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
38. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917-1927 гг. М., 1985.
39. Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа. М., 1984.

40. Джамбулатова З. К. Народное образование в Чечено-Ингушетии в 1959-1965 гг. // Изв. Чеч.-Ингуш. инст-та истории, языка, литературы и экономики. Грозный, 1969. Т. 8. Вып. 1. С. 138-154.
41. Чеченов Ш. Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970 гг.). Нальчик, 1971.
42. Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977.
43. Галазов А. Х., Исаев М. И. Народы братья, языки-братья (Русско-осетинские лингво-культурные контакты). Орджоникидзе, 1987.
44. Бациев А. С. Осетинский театр: годы, спектакли, проблемы. Орджоникидзе, 1985.
45. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Л., 1988.
46. Хадарцева А. А. Очерки истории осетинской драматургии. Орджоникидзе, 1982. Ч. 2. Советский период.
47. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989.
48. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941/Отв. редактор академик М. П. Ким. М., 1988.
49. Бородай А. Д. Н. С. Хрущев и молодое поколение художественной интеллигенции. М., 1999.
50. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М., 1999.
51. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-53. М., 2000.
52. Эфендиев А. К. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала, 1960.
53. Хачиров А. К. О формировании советской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964.
54. Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988.
55. Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь, 2000.
56. Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования в Кабардино-Балкарии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик. 2004.
57. Калинин С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2006.
58. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: Общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XX в. Владикавказ, 2002.
59. Бичиева И. С. Кабардинская интеллигенция конца XIX – начала XX века. Нальчик, 2009.
60. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
61. Гаппоев Т. Т., Тотоев Ф. В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти политических жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 43-49.
62. Репрессированные этнографы. М., 2002. Вып. 1.
63. Гобети З. Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20-30-е годы XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук Владикавказ, 2009.
64. Драч Г. В., Корытина М. А. Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2011. № 6. С. 19-22.
65. Мирзабеков М. Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010.

66. Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность. Нальчик, 2003.
67. Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004.
68. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ, 2008.
69. Каймаразов Г. Ш. Интеллигенция Северного Кавказа в 60-70-е годы XX века (по материалам автономных республик региона). Махачкала, 2010.
70. Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Инст-та гуманитар. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 126-139.